ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
12 января 1983 г. № 2 (4912)

На перекрестке мнений

ЗАВЕРШАЕМ ДИСКУССИЮ «МАЯКОВСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ»

В последнем номере нашей газеты за минувший год были напечатаны заключительные выступления в дискуссии, начатой статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36, 1982).

В дискуссии приняли участие критики А. Кондратович (№ 37), В. Сухнев (№ 38), А. Казинцев (№ 41), Ал. Михайлов (№ 43), П. Ульяшов (№ 47), поэты Е. Исаев (№ 39), А. Васадзе, М. Ильницкий и В. Соколов (№ 40), О. Шестинский (№ 44), В. Кочетков и В. Сидоров (№ 45), В. Савельев (№ 46), Т. Бондарь (№ 48), Н. Старшинов (№ 49), Л. Терёхин (№ 50), М. Лисянский (№ 52), читатели (№№ 41, 44, 46).

В совокупности выступления участников дискуссии достаточно полно обозначили достижения нынешней поэзии, а также выявили некоторые присущие ей недостатки. Разговор позволил коснуться разных сторон современного поэтического процесса.

Особое значение проведенной дискуссии состоит в том, что ее участники выверяли современную поэзию творчеством Владимира Маяковского. Партийная, народная, гражданская поэзия Маяковского остается верным и плодотворным ориентиром для советских поэтов.

Вместе с тем следует отметить, что в иных выступлениях предпринимались попытки как бы «обузить» традиции Маяковского, объявить его последователями одних поэтов и отказать в праве на это другим. В зависимости от вкусов и пристрастий того или иного выступающего — и в этом тоже очевидные, но, думается, неизбежные издержки дискуссии — одни и те же поэты то объявлялись наследниками традиций Маяковского, то отлучались от этих традиций.

Однако дискуссия показала, что на поэзию Маяковского ориентируются самые разные поэты. Каждому из них поэзия Маяковского дорога своей гражданственностью, родственна той или иной своей стороной, теми или иными своими мотивами. Об этом, в частности, ведут речь и участники сегодняшнего разговора за «круглым столом» «ЛГ».

«ЧТОБ БОЛЬШЕ ПОЭТОВ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ!..»

Иван ДРАЧ (Украина),
Егор ИСАЕВ (Москва),
Сильва КАПУТИКЯН (Армения),
Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ (Москва),
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ (Казахстан),
Наби ХАЗРИ (Азербайджан).

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ЛГ»

Наби ХАЗРИ. Дискуссия, которую мы завершаем, еще раз показала, что Маяковский — не просто один из крупнейших современных советских писателей, он — начало новой поэтической эры.

Е. ИСАЕВ. Да, собственно, это и не дискуссия... Маяковский выше и глубже любых дискуссий. Это признают даже те, кто мировоззренчески мало расположен к нему. Был разговор-раздумье, была большая беседа. Так я понимаю. Я уже говорил как-то: Пушкин — это эпоха декабризма, первое приближение русской поэзии к живому разговорному языку; Некрасов — эпоха революционных демократов, второе приближение к живому разговорному языку; Маяковский — эпоха Революции двадцатого века, третье приближение к живому разговорному языку. Маяковский как социально-поэтическая величина равен революции. Это явление не только русское, но и всенародное, мировое, как и сама революция.

Наби ХАЗРИ. Совершенно верно. И если мы, советские люди, читаем сейчас на своих перекидных календарях: «Шестьдесят шестой год Великой Октябрьской социалистической революции», то есть ведем свое летосчисление с того момента, когда народ, руководимый большевиками, взял власть в свои руки, то советская поэзия рождена ее великим зачинателем — Владимиром Маяковским.

Е. ИСАЕВ. Горький сказал о своей жизни: «Мои университеты». Думаю, что каждый советский поэт может сказать так о поэзии Маяковского. Творчество Маяковского — не просто школа, это университеты Маяковского, в которых учились и учатся все поэты, поэты братских республик. Как влияет Маяковский? Ступенчатостью? Шагом? Разрывностью строки? Да, и так влияет. Но прежде всего влияет мощным духом своей поэзии. Духом государственности. Новой государственности, той, которой до Маяковского не было в мире. Маяковский как бы предожидался в каждом народе. И даже как бы отчасти был уже написан в каждом языке. Эта моя мысль понятна или требует пояснений?

С. КАПУТИКЯН. Понятна. Конечно, влияние одного великого поэта на другого — более сложный процесс, чем обыкновенная схожесть. Если мы говорим, что в двадцатые годы воздух был полон Маяковским — его голосом, манерой чтения, его звонким обаянием и прежде всего его поэзией, поражающей своим накалом, охватом тем, новаторством формы, то все это вошло в армянскую поэзию через Егише Чаренца, приобретая национальный колорит, национальную окраску.

И. ДРАЧ. А в украинскую — через Павло Тычину, судьба которого похожа на судьбу Маяковского.

С. КАПУТИКЯН. Любопытно, что в годы, когда написаны такие вещи Чаренца, как «Неистовые толпы» и «радиопоэмы», Чаренц едва ли был знаком с поэзией Маяковского. Но в поэмах Чаренца — дыхание одного и того же времени, одинаковы с Маяковским истоки вдохновения, даже образы, метафоры, одинаков, если можно так выразиться, «строительный материал». Чаренц назвал свою поэму «Неистовые толпы», а Маяковский в это же время призывал: «Пусть толпы в небо вбивают топот!» и писал: «Граждане! Это первый день рабочего потопа. Идем запутавшемуся миру на выручку!» Волны этого «рабочего потопа» докатились до разных уголков земного шара.

Е. ИСАЕВ. Маяковский начал новую поэзию, какой не было еще в мировой истории. При всем том, что мы без труда можем обнаружить сходство мотивов его поэзии с поэзией любой братской республики, Маяковский очень индивидуален. Он индивидуален и от величия своего таланта, и от величия событий, в которых он участвовал, и от величия тех идей, которые проповедовал. Он писал: «Мир огрбмив мощью голоса, иду — красивый, двадцатидвухлетний». И при этом он не отрицал интимности, мягкости. Он как раз был очень ранним интимностью.

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Еще бы! Ведь он, помимо всего прочего, величайший лирик! В той же поэме «Облако в штанах», строки из которой цитировал Егор Исаев, Маяковский так передает свое потрясение, вызванное уходом любимой: «Эй! Господа! Любители святотатств, преступлений, боен, — а самое страшное видели — лицо мое, когда я абсолютно спокоен?» Лирика Маяковского — огромной эпической силы.

Наби ХАЗРИ. Это очень важно — **эпической** силы! Маяковского в разные годы истолковывали по-разному. Одни говорили о его заслугах в области формы и языковых средств. Были люди, воспринимавшие его утрированно, чисто внешне (а ведь он — глубинное явление нашей поэзии), делая акцент на ломаных его строках—«лесенке». Но Маяковский — великий поэт прежде всего потому, что он «горлан-главарь», и этот его дух одинаков и в его эпических, и в его лирических вещах.

Е. ИСАЕВ. Дело в том, что Маяковский, как никто другой, поэт не литературный, а жизненный. Абсолютно жизненный. Литература не существует для литературы, поэзия не существует для поэзии. Слово, устное и печатное, произносится для жизни.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Он распахнул свою поэзию для жизни, куда она ворвалась с новыми героями. Казалось бы, что поэтического во вселении рабочего, литейщика, в новую квартиру? А Маяковский сделал это поэтическим явлением. Или «Разговор с фининспектором...». Вот вам новый герой стихов. И какой у него разговор получился! Маяковский ввел документальность в поэзию. Многие его стихи похожи на документальные фильмы. Кстати, само документальное кино в то время только зарождалось. Наверняка этот жанр обязан своим становлением Маяковскому.

И. ДРАЧ. Конечно, обязан. Ведь Маяковский был не только великим поэтом. Он был прекрасным художником. Его слово, как сказал он сам, «весомо, грубо, **зримо».** В то же время Наби Хазри справедливо напомнил о том, что в разные годы Маяковского истолковывали по-разному. Сейчас, мне кажется, обнаруживается тенденция истолковывать поэзию Маяковского так, словно в ней, как и во всякой поэзии, не было своих плюсов и своих минусов. Я люблю Маяковского, и все мы любим Маяковского. Но любить — не значит принимать все безоговорочно. Надо в разговоре о Маяковском опираться на его настоящие, его корневые вещи, на то, чем он действительно дорог нам. Я вспоминаю один случай. На встрече с читателями ко мне подошла учительница и сказала: почему, когда хочется отдохнуть душой, когда хочется чистоты, я читаю Блока или Тютчева?

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Конечно, не потому, что она не смогла бы проникнуться душевной чистотой, читая Маяковского, который как раз чист душой.

И. ДРАЧ. Да, но у нас частенько создают впечатление, что у Маяковского все одинаково прекрасно. И тем самым отпугивают читателей от него. Маяковский — великий поэт, но он не был непогрешимым паинькой, и у него есть вещи, которые исчезают, падают в Лету.

С. КАПУТИКЯН. Конечно, как у каждого писателя, даже великого, у Маяковского достаточно в стихах «словесной руды». Но неисчислимы граммы радия, добытые поэтом силою его могучего таланта и напряжения души. Эти крупицы радия чем дальше, тем дороже становятся. Они необходимы хотя бы для расщепления и получения от них поэтической энергии атомной силы. Эти крупицы радия еще долго будут помогать нам взрывать бастионы человеческого антипрогресса, бастионы лжи, мещанства, разной дряни и ерунды во имя той коммуны, с которой сверял свои шаги поэт, стараясь вырвать радость у грядущих дней.

Наби ХАЗРИ. Наверное, у каждого из нас свои крупицы радия Маяковского — свои любимые его строчки. Что до меня, то мне по душе его афоризм: «И песня, и стих — это бомба и знамя...» В сжатой форме выражены яркая публицистичность, злободневность и актуальность поэзии. Или: «Начинается земля, как известно, от Кремля». Насколько это сказано емко, объемно и вместе с тем очень поэтично!

С. КАПУТИКЯН. Любимых строк Маяковского можно цитировать сколько угодно! «Приходит страшнейшая из амортизаций — амортизация сердца и души», «Поэт всегда должник вселенной, платящий на горе проценты и пени», «Землю, где воздух, как сладкий морс, бросишь и мчишь, колеся, — но землю, с которою вместе мёрз, вовек разлюбить нельзя». А вечная тревога Маяковского: «...одеваем нищь и оголь, ширится добыча угля и руды... А рядом с этим, конешно, много, много разной дряни и ерунды».

А. ПРЕЛОВСКИЙ. К тому же у каждого какие-то личные впечатления, связанные с той или другой цитатой. Ко мне Маяковский пришел странным образом. Я рано начал читать. И вот так получилось, что нам с матерью пришлось уехать из Иркутска в Якутск. Было это летом, до войны. Навигация началась на Лене поздно, в июне. Мы сидим в Усть-Куте. Сейчас это бамовский город, а тогда это была маленькая деревенька, даже и разговора быть не могло о порте будущего. И вот здесь мне попалась маленькая книжка-брошюрка Маяковского. До сих пор помню странный контраст. Читаю: «Мы в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь... аж за Байкал отброшенная попятится тайга». А плывем по Лене — темные берега, ни света из окон на берегу. Вот так. С одной стороны: «...здесь будет город-сад!», а с другой — какой уж там город-сад...

Е. ИСАЕВ. Что ж. Он ведь не сказал: «есть», он сказал: **«будет»!**

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Да, и я почувствовал, насколько он прав в своем пророчестве, когда работал на Братской ГЭС. Мы, комсомольцы, в 1958 году строили Братск, строили, а над нами висел транспарант: «Здесь будет город-сад!»

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Кстати, любопытно, что поэзия Маяковского не просто документальна, она и стареет, как документ. То есть стареет не в художественном смысле, а именно в документальном, сохраняя, как старая, пожелтевшая газета, дух того времени. Вслед Маяковскому в тридцатые годы наши поэты воспевали дым. Фабричный дым, дым над городом. Сегодняшний читатель об этом уже читает с ужасом. Образ тайги, которая попятится от человека, уже не вызывает сочувствия и энтузиазма. Мы не хотим, чтобы тайга «пятилась», не хотим, чтобы природа «пятилась» от нас, напуганная нами. Мы как раз сейчас ведем речь об обратном: хотим сохранить тайгу, сохранить природу.

И. ДРАЧ. Да. Маяковский в полном соответствии с тогдашним пониманием того, «что такое хорошо и что такое плохо?», выражал желание, чтобы «пятилась» от человека тайга. Время опровергло такое понимание. Но где поэт, который с той же неистовой страстью, с тем же неистовым самосжиганием, как Маяковский, взялся бы сейчас утвердить наше сегодняшнее понимание проблемы?

А. ПРЕЛОВСКИЙ. На той же Братской ГЭС была у меня встреча с Ярославом Смеляковым. Когда зашел разговор о масштабности поэзии, я спросил его: «Как вы понимаете масштабность?». Он ответил: «Масштабность—это когда в одной строке соединены котлован, цветок на берегу и народ». И вдруг прочитал: «Как ты нужен стране сейчас, клубу, площади и газетам, революции трубный бас, голос истинного поэта!» Это цитата из фрагмента — «Маяковский». Из второй части «Строгой любви».

Е. ИСАЕВ. А вы знаете, что у Смелякова есть статья, которая называется так же, как и наша дискуссия,— «Маяковский и современная поэзия»? Вот что мне хочется процитировать из этой статьи: «Бытует далеко не правильное представление о Маяковском как о творце грубого, скрежещущего стиха. А я давно знаю и люблю его строки, полные глубочайшей любви и нежности ко всему живому («Две морковинки несу за зеленый хвостик», «Я люблю зверье. Увидишь собачонку. Тут у булочной одна — сплошная плешь, — из себя и то готов достать печенку. Мне не жалко, дорогая, ешь!», «Хорошее отношение к лошадям» и др.). А рядом с нежностью — легкая ирония, сменяемая беспощадной остротой, гениальным сравнением, и вдруг, почти всегда неожиданно, как море за поворотом дороги, — сильная и краткая, исчерпывающая концовка. Этому многообразию, смене интонаций, взлетам и падениям, держащим читателя в крайнем напряжении, следует поучиться всем поэтам. Ведь многие из них в поисках «своего лица» с завидным постоянством держатся одной позы, одной, утомительно однообразной, интонации: я, мол, представляю струю мужественности, и мне ни к чему улыбка, нежность; я—воплощенная сентиментальность, мне так и следует дальше уныло бубнить себе под нос. Маяковский обладал умением рядом с задушевной строфой ставить гневную, рядом со сдержанной — громовую. И все они служили ему верой и правдой, все били в одну цель». Отлично сказано, правда?

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Прекрасно! Был у меня разговор с поэтом, вроде бы далеким от Маяковского, — с Твардовским. Во время разговора коснулись Маяковского, и Твардовский вдруг заговорил, как учился у него искусству репортажа. Учился, создавая «За далью —даль». Когда я писал свой свод поэм о Сибири, я вспоминал о том разговоре. Действительно, когда в бессюжетной поэме объединяешь людей, пласты разных исторических эпох, разных воспоминаний, когда ведешь прямой репортаж с места событий, — пройти мимо опыта Маяковского нельзя!

И. ДРАЧ. Смеляков, Твардовский... Я тоже могу назвать дорогие каждому имена **ушедших** поэтов. Но я ведь говорил не об ушедших. О действующих сейчас. Думаю, что, положа руку на сердце, надо сказать о неблагополучии в нынешней поэзии. Много ли в ней авторского самосжигания в постановке самых острых, самых насущных проблем? Какое-то благодушие воцарилось. А ведь читатель этого не прощает...

Наби ХАЗРИ. Да, уроки Маяковского изучаются, но не всегда применяются должным образом. Поэтому боевитость, злободневность, публицистичность подчас сдают свои позиции мелкотемью, самокопанию, так называемой «тихой поэзии».

С. КАПУТИКЯН. Недавно я работала над составлением сборника стихов, переведенных мною на армянский в разные годы. И вдруг я заметила, что у всех авторов, поэтов разных стран и разных веков — будь это Аристофан или Виктор Гюго, Пушкин или Леся Украинка, Уолт Уитмен или Ян Райнис — у всех у них сильнее всего звучит один мотив: это необузданный мятеж, страстное восстание души, жаждущей вырваться из оков физической и духовной тирании, неугасаемая надежда на будущее переустройство, «переделку» старого, несправедливого мира. Октябрьская социалистическая революция — это извержение вековых накоплений тех извечных человеческих стремлений и надежд, клокочущих в недрах времени, а поэзия Маяковского — словесная фиксация этого великого извержения, его обновляющего огня и зарева.

Е. ИСАЕВ. Как раз это я имел в виду, когда сказал, что Маяковский равен революции. Он равен революции и тем очистительным огнем своей поэзии, в котором сжигает все недостойное революции, недостойное человека будущего, пробужденного революцией. Иван Драч правильно ставит вопрос: чего нам сейчас не хватает по сравнению с тем, что было у Маяковского? Нам не хватает сатиры живой. Маяковский никогда интеллигентски не иронизировал. Он был гневен, он смеялся, хохотал — он шел в открытую. Посмотрите, какие у него сатирические стихи. Сколько в них наглядности, резкости черт, каждое слово — портрет! А возьмите его драматургию. «Клоп», «Баня»— эти вещи насущны и сегодня. Вот какой Маяковский! И одна из глубочайших, характернейших черт его — взрывчатость от нетерпения, способность к непосредственной реакции, рельефное (не по линейке!) отношение к действительности! До Маяковского не было такого поэта, который бы соединял такую непосредственность, взрывчатость слова и одновременно наглядность, зримость его!

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Вот-вот! Что мне ближе всего в Маяковском? Это его нетерпеливость. Ему хотелось все сразу немедленно делать, немедленно перестроить мир. В поэзии это приводит к гениальности. Человек сжигал себя и высвобождал в себе великие силы Маяковский был выразителем революционного поколения, которое говорило о победе добра над злом, о скорой победе коммунизма. Маяковский писал с позиций огромной идеи.

И. ДРАЧ, Сейчас идея, с позиций которой пишут поэты и прозаики, не менее огромная: жизнь, живая жизнь поставлена под ядерный удар. Ядерный удар, которому по силам покончить с жизнью на нашей планете, — такой вопрос не стоял перед Пушкиным, или Толстым, или Маяковским. Этот вопрос стоит сейчас перед нами.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Вся средневековая поэзия находится в ожидании конца света. Такое ожидание никогда не отпускало литературу.

И. ДРАЧ. Да, но гибель всего живого никогда не была так возможна, как сейчас. И очень важно суметь противостоять этой гибели. Противостоять поэтическим словом. В этом смысле уроки Маяковского бесценны. Его кристальная честность, его преогромная боль за человечество в сумме дали удивительное чувство гордости тем, что он — человек, что он причастен к человечеству. Вот это чувство и необходимо перенести на себя, перенести в себя нам, современным поэтам. Я слышу это чувство в стихах Олжаса Сулейменова и Юстинаса Марцинкявичюса. Они во многом не похожи на Маяковского, но похожи в главном, в самом существенном.

Наби ХАЗРИ. Мне лично представляется, что традиции Маяковского продолжены в стихах Сулеймана Рустама и Расула Рзы, в поэмах Егора Исаева, образно и поэтично выразивших судьбу и душу народа, в поэме Расула Гамзатова «Берегите матерей!» с ее широким охватом боли и тревоги века, в поэме Роберта Рождественского «Двести десять шагов», представляющей собой яркое, взволнованное, публицистическое слово о нашем поколении.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Я вижу продолжение традиций Маяковского там, где поэт жаждет найти зло и сказать о нем, жаждет найти прекрасное и сказать о прекрасном.

Е. ИСАЕВ. Маяковский мог сказать: «...пою мое отечество, республику мою!». А ведь по темпераменту, по шагу ритмическому был далеко не «поющим» человеком. Это человек, именно **говорящий,** прилюдно признающийся в любви и гневающийся прилюдно. Драч прав, выражая неудовлетворенность сегодняшним состоянием поэзии. Мы немного отстранились от Маяковского, мы его слишком перегромчили, мы его недочувствовали. А волна Маяковского еще не в полный гребень встала. Гребень волны Маяковского где-то еще впереди. Мы приближаемся к этому гребню лучшими своими произведениями, в которых есть ощущение конкретного глобального времени. Многие думают, что глобальность — это биллиардный шар размером с землю. Ничего подобного! Глобальность — это земля со всеми ее рытвинами и колдобинами.

Признаваясь в любви к человеку будущего, Маяковский предчувствовал это будущее. Вот Драч сказал, что перед Маяковским не вставал вопрос атомного удара по живому. А я если не в самих словах, то в чувстве, им выражаемом, в его шаге чувствую ощущение глобального, атомного времени. Маяковский как солнце. Он всегда восходит. Но не заходит. Он доходит до зенита и опять идет к рассвету. А современная поэзия поставила себя, я бы сказал, в некоторое ленноватое прекраснодушное положение.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. В каком смысле?

Е. ИСАЕВ. В том смысле, что во многих современных вещах словно нерв отсутствует. Нет разнообразия. Что сказалось и в ритмике. Как обеднилась русская поэзия! Шестистопный, пятистопный ямб по преимуществу. А ведь сколько интонаций в человеческом голосе! У каждого человека шаг разный. А в поэзии — все одинаково. Меня беспокоит, какой приток идет сейчас в поэзию. Сужу по Литинституту. Идут гладкие, книжные, неживые стихи.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Почему вас это беспокоит? Неужели это погубит поэзию?

Е. ИСАЕВ. Беспокоит потому, что эти стихи — на грани неправды! Где в них дыхание живой жизни? Я уже говорил, что не бывает, не может быть поэзии для поэзии, книги для книги. Нет, книга для жизни! Вот здесь Преловский сидит, человек, своими руками созидавший то, о чем пишет. Он подтвердит: только книга для жизни, поэзия для жизни, литература для жизни!

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Конечно.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Это как раз и доказал Маяковский, который сделал поэзию демократической. Он дал толпе безъязыкой новый язык, он вводил в свои стихи не только неологизмы, язык в его стихах нередко взят из языка его персонажей. Он сломал привычные ритмы поэзии. И в ломке этих привычных ритмов, в его новом языке, в его неологизмах было не разрушающее, а созидательное начало. По-настоящему мы только теперь начинаем понимать, что стоит за дерзостью Маяковского и как он нам сейчас нужен. Маяковский доказал, что каждый большой поэт ломает рамки устоявшихся правил, что он выше правил, которые были установлены до него другим гением. Установлены, а потом канонизированы. Но вот приходит новый гений, новый живой человек и ломает, расширяет, разрушает, раздвигает или перестраивает старую ритмику соответственно величине масштаба своей личности, своего мироощущения, мировоззрения. Он пишет неправильно с точки зрения старых правил, но проходят десятилетия, и оказывается, что он писал правильно.

Е. ИСАЕВ. Все это так, но при этом не должна быть размытой четкость. Было ли такое, чтобы река текла к северу, а потом потекла к югу?

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Я говорю не о размывании четкости, а о новом видении, о видении новой четкости. Мы во многом канонизировали правила Маяковского: стали писать рубленой, лаконичной строкой.

Е. ИСАЕВ. А слово стало чуть-чуть ровнее. Поэзия приобрела профессиональность, но потеряла нерв.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Я говорю о том, что освоены правила писать «по-маяковски». Но дело, видимо, не в одних этих правилах.

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Разумеется, дело в высочайшем духе, который дышит в произведениях Маяковского. Мне кажется, крупнейшее завоевание Маяковского для всей советской поэзии — это подлинный интернационализм его позиции. Как никогда прежде, в стихи Маяковского ворвались интонации любви и сострадания ко всем угнетенным, независимо от их национальности и цвета кожи. Недавно, перечитывая Маяковского, я остановился на его строках, выражающих саму суть его интернационализма: «Я — дедом казак, другим — сечевик, а по рожденью грузин». И вот о чем подумал: Маяковский не дожил до переводческого бума, который начался в нашей советской поэзии в тридцатых годах. Но если б дожил, начал бы переводить. Все его ученики переводили.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Он бы не смог. Слишком индивидуален. Он бы не переводил, а перетаскивал.

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Мало ли индивидуальностей оказались превосходными переводчиками? Думаю, что и Маяковский стал бы прекрасным переводчиком.

И. ДРАЧ. Зачем гадать? Интернационализм Маяковского выражается ведь не только в том, что он **мог бы** переводить.

Наби ХАЗРИ. Его интернационализм—в том, что он своей поэзией открыл новые пути для всех поэтов братских республик.

С. КАПУТИКЯН. Не просто открыл, но как бы предвосхитил их поиски. Я уже говорила о том, что молодой Чаренц создавал свои произведения независимо от Маяковского и во многом оказался родственным ему по духу. А в начале двадцатых годов Чаренц призывал армянских писателей обратить свои взгляды на север, «преимущественно на берегах русской литературы ища дороги для нашей завтрашней поэзии». Нет сомнений, что, говоря о «берегах русской литературы», Чаренц прежде всего имел в виду огромный опыт Маяковского, первооткрывателя дороги не только тогдашней, но и «завтрашней» поэзии.

Е. ИСАЕВ. Да, Маяковский открыл дорогу для всех поэтов братских литератур, открыл дорогу для создания великой поэзии. И она у нас создана! Назовите мне такую страну, такое государство в мире, где за шестьдесят лет существования возникла бы подобная великая гряда поэзии на разных языках, разных темпераментов, объединенная духом своего великого основателя! Это поразительная поэзия и в своей совокупности, и по отдельности в каждом языке. Не устать бы нам от этого интересного.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Это верно. Говорят, что друг познается в беде. Но это не полностью характеризует друга. Друг познается и в радости. Надо уметь порадоваться за другого. Здесь уже было сказано, что у каждого свои любимые строчки Маяковского. У меня есть несколько любимых его стихотворений, поэм, отдельных строчек, которые сопровождают меня по жизни и способствуют формированию моего развивающегося мировоззрения — поэтического, нравственного и прочего. Я говорю не только о себе — о каждом из нас, о каждом любителе поэзии. И если эти строчки собрать, это будет то самое избранное, которое остается от великого поэта. Те строчки, которые тебя формировали. Если даже по одной строке...

Е. ИСАЕВ. ...то выйдет огромное количество строк!

Наби ХАЗРИ. Стоило, значит, изводить «единого слова ради тысячи тонн словесной руды»!

О. СУЛЕЙМЕНОВ. Ярослав Смеляков своеобразно определял качество книги: если в ней есть одно хорошее стихотворение — это хорошая книга; а если два — книга отличная.

Е. ИСАЕВ. У реки есть крутой берег, где глубина определяется в 15—20 метров, а то и больше. Но у той же реки есть и отлогий берег, без которого не будет крутого берега.

О. СУЛЕЙМЕНОВ. У Маяковского есть вещи, которые честно сослужили службу в свое время и как бы отошли в запас. Но в поэзии не бывает пассивного запаса. Со временем пассив переходит в актив, глядишь, то, что меньше воздействовало на душу, снова заиграло.

А. ПРЕЛОВСКИЙ. Маяковский и сам не обольщался относительно бессмертия всего своего поэтического наследия. Недаром писал: «...умри, мой стих, умри, как рядовой, как безымянные на штурмах мерли наши!». Но, между прочим, обратите внимание: «на штурмах»! Он заботился о боевой действенности каждого своего стиха.

Е. ИСАЕВ. Потому что он жил «в нашей буче, боевой, кипучей...», извлекал из нее поэзию, утверждал ее поэзией, защищал ее поэзией. Вот главный урок Маяковского для всех нас!

СТИХИ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ... Фото **А. КАРЗАНОВА**